

Н. Н. Белова

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
ОБ ИСТОЧНИКАХ РАБСТВА В ГАЛЛИИ В I—III вв.

Большое значение для развития рабства в Галлии имело, как и всюду, разложение общинно-родовых отношений у кельтских племен. В «Записках о галльской войне» Цезарь проводит резкую грань между родовой знатью и находившимися в зависимости от нее рядовыми общинниками, которых он обозначает римским словом «плебс» (I, 4; V, 3; VI, 13; VII, 42). Существовало большое количество *homines egentes*, *homines perditī* (VII, 4; VIII, 30), т. е. «неимущих» и «несчастливых», а также *obaeati* — должников, вынужденных становиться рабами (VI, 13). Весьма развиты были клиентские отношения: иногда целые поселения — *оппиды* — находились в клиентской зависимости от некоторых знатных семей (VIII, 32; VI, 19; VII, 4). Цезарь упоминает и рабов (I, 23; V, 45; VI, 19; VIII, 30). О наличии рабов в доримской Галлии говорят Диодор Сицилийский (V, 26), Посидоний (IV, 36), Цицерон (*Pro Quinctio*, VI, 24). Доримская Галлия, таким образом, уже знала рабство, хотя оно и не могло получить сколько-нибудь широкого применения в условиях догосударственного существования кельтов.

Попытка выяснить источники рабства в римской Галлии является задачей настоящего исследования, которое базируется исключительно на эпиграфическом материале, из-за отсутствия других данных¹.

Существует мнение, что количество рабов в Галлии имперского периода возросло за счет порабощения местного плебса². Надписи позволяют заметить, что некоторые рабы и отпущенники носили кельтские имена, это указывает на их местное происхождение. Например, Довиок (CIL, — III 2254), Монтан (XII, 119, 170), Кви-гоник (XIII, 2669), Герман (XII, 3276), Коссутия (XII, 423), Ауга (XII, 1013), Дорис (XII, 3712)³. Иногда они назывались именами галльской общины: Тревер (XIII, 2032, 2669), Тонгр (XIII, 3599), Вьеннец (XII, 3327), Эдуй (XII, 3325).

Превращение местных плебеев в рабов не было единственным источником рабства.

На развитие рабовладельческих отношений в Галлии существенное влияние оказало римское завоевание и связанная с ним романизация: выведение колоний, строительство новых городов по римскому образцу, муниципализация старых, обеспечивавшая повсюду господство местной аристократии⁴. Надписи, будучи сами по себе следствием романизации, свидетельствуют о том, что наибольшее число рабов и отпущенников в I—III вв. встречается в областях романизованных, находящихся в непосредственной близости и соприкосновении с римско-италийским рабовладельческим миром и в местах расположения римской армии (прирейнские области), особенно в городских общинах, являвшихся римскими колониями — Нарбоне, Лугдуне. Под влиянием романизации появляются муниципальные рабы⁵, в том числе храмовые⁶. Известно, что кельты вообще не имели храмов, их заменили святилища, а всеми делами культа ведали друиды. В римское время появились храмы, посвященные Марсу, Меркурию, Минерве, Апполону и другим божествам. Показательно, что в противовес муниципализированным общинам, в которых храм помещался в городе, храмы местных богов в менее романизованных областях средней, северной и западной Галлии представляли собой культовые центры сел, напоминавшие кельтские деревни доримского времени⁷. Результатом римского влияния были рабские и отпущеннические фамилии (CIL, XII, 289, 727, 1025; XIII, 2972, 4465), организация их по римскому образцу, распространение характерного для Рима и Италии культа Генія господина или патрона (CIL, XII, 3051a, 3053, 4314, 5424, 1025; XIII, 4291, 4665).

С римским завоеванием и романизацией связано развитие рабства за счет иммиграции, поселений в галльских городах чужеземных, особенно римско-италийских, рабовладельцев — всякого рода предпринимателей, торговцев, ветеранов-колонистов, и т. п., приведших с собой рабов, отпущенников и внедрявших таким образом в практику эксплуатацию рабского труда. Еще Цицерон отмечал, что никакое предприятие галлов (с момента завоевания Провинции) не велось без содействия римлян (Pro Fonteio, 5, 11). В Галлию Великую (или Косматую) итальянские купцы начали проникать еще до завоевания, многие сопровождали Цезаря и оседали здесь после его походов. В первые три века итальянские купцы и всевозможные деловые люди проникли почти во все города не только Нарбонской, но и других трех галльских провинций. Надписи того времени упоминают также испанцев, британцев, греков, финикийцев, сирийцев, африканцев (CIL, XII, 32, 33, 412, 620, 686, 1281, 1981, 4492, 5921; XIII, 528, 586, 612, 619—621, 632, 1924, 1945, 2248). Согласно исследованию Пырвана, число иностранцев в Бурдигале, например, достигло $\frac{1}{10}$ от общего населения этого города⁸. Еще больше их было в римских колониях Лугдуне и Нарбоне. Этническая пестрота прослеживается и в других галльских городах.

Определенную роль в развитии рабства в Галлии сыграло рас-

ширение императорских владений, особенно в Аквитании и Белгике. Известны императорские рудники и каменоломни, в которых применялся рабский труд (CIL, XIII, 1550, 1808, 1825, 1826).

Источником рабства была и работорговля. Надпись из Немавза посвящена оптовому работорговцу Гнею Невию Диадумену: «Gn. Naevio Diadumeno venaliciario grae/g/ario» (CIL, XII, 3349). Надпись из Mons Poeninus (Швейцария) упоминает работорговца Гая Домиция Карассоуна: «...G. Domitius Carassounus Hel (vetius) mango...» (ИЛН, № 504, ВДИ, 1956, I). Работорговцу Кайю Айацию посвящено надгробье в колонии Агриппине (Кельн): «C. Aiadius P. f. S... mango» (CIL, XIII, 8348). Из Арелаты происходит надгробье, поставленное работорговцу гладиаторами: «...negotiator familiae gladiatoriae...» (CIL, XII, 727). Как на один из ближайших к Галлии пунктов работорговли, помимо упомянутого Кельна, Страбон указывает на Аквилею в Цизальпинской Галлии (V, 1, 8). О размахе работорговли свидетельствует пестрый этнический состав рабов и отпущенников, о чем можно судить по их этнику или прозвищам⁹. Встречаются рабы и отпущенники греческого¹⁰, азиатского¹¹, египетского¹², фракийского¹³, итальянского¹⁴ и прочего иноземного происхождения¹⁵. В I—III вв. рабы-иноземцы, скорее всего, могли быть завезены осевшими в стране чужеземными рабовладельцами или куплены у работорговцев¹⁶. Предполагается, что римская Галлия покупала больше, чем продавала¹⁷.

Имел место и естественный прирост рабов. Родившиеся в доме господина рабы назывались вернами, а их господами были как императоры, так и частные лица. Императорские домородные рабы использовались по-разному, некоторые из них занимали высокие должности. В Арелате, например, обнаружено надгробье домородному рабу трех императоров, который управлял ведомством по сбору пошлины в размере $\frac{1}{40}$ (CIL, XII, 717). В надписи из Акаунской стоянки (Швейцария) упоминается домородный раб двух императоров, который был заместителем управляющего ведомством по сбору той же пошлины (ИЛН, № 551, ВДИ, 1956, I). Императорский домородный раб, имевший отношение к тому же ведомству, упоминается в надписи из общины конвеннов (CIL, XIII, 255). Надпись из Виндониссы сообщает, что императорский домородный раб имел своих рабов (там же, XIII, 519). В двух надписях из Лугдуна речь идет об императорских домородных рабах, занятых в архивах (там же, XIII, 1823, 1824). В общине медиоматриков надгробье поставлено домородному императорскому рабу, который был интендантом по снабжению армии провиантом (там же, XIII, 4323).

Нередки посвящения и частновладельческим домородным рабам¹⁸. Так, между Уцетией и Немавзом встречается надгробье, поставленное верне, девочке одиннадцати лет (там же, XII, 3781). В Немавзе открыто посвящение богам Манам Луция Юлия Аполлония, поставленное отпущенницей Витрика Юлиана Валерией

Геллой и домородным рабом Тита Юлиана Космом: «Dis Manibus L. Iulii Apollonii Valeria Hellas Vitrici Iuliani liberta et Cosmus T. Iuliani verna» (CIL, XII 3627). Надгробье домородному рабу обнаружено в Генаве (Женева, там же, XII, 2620). Надпись из Люксембурга посвящена домородному рабу, верне, памятник которому поставлен его женой: «Cletuso vernaе... (co) niugi viva iu(ssit)»¹⁹. В Лугдуне надгробье поставлено верне ее супругом: «D. M. Quieti aet. Agathangelus vernaе coniugi...» (CIL, XIII, 1663). Вместе со своим домородным рабом погребен в Нарбоне отпущенник Публий Нован Аесцин (там же, XII, 5012). В Бурдигале встречается посвящение Юпитеру Августу, поставленное во исполнение обета господином за своих детей, а также домородных рабов: «Escinges Bassi fi/(lius)/lovi Augus(to) pro f(iliis)e(t) vern(is)» (CIL, XIII, 568). При отпуске на волю домородные рабы сохраняли иногда в качестве когномен обозначение домашнего раба (Верна). Так, в одной из нарбонских надписей речь идет о Тите Валерии, сыне Тита, Верне, из Формума Юлия (там же, XII, 4535), в другой — о Марке Ирпиене Верне (там же, XII, 4874). Об отпущенниках с прозвищами Верна читаем в надписях XII, 4909, 5172, 5173.

Эпиграфические данные позволяют, наконец, отметить роль алюминов, т. е. детей-подкидышей и сирот, воспитанных в доме господина, в увеличение количества рабов. В наших источниках они упоминаются наряду с другими членами рабовладельческой фамилии. В одной из лугдунских эпитафий, например, в качестве членов фамилии покойной патронессы отмечаются ее отпущенницы Юлия Азия и Юлия Евтихия и алюмин Гай Коттий Теодот (там же, XIII, 2180). Между Валенсией и Вьенной открыто надгробье, поставленное господами алюмине, девочке пяти лет (там же, XII, 1805). Некоторые из алюминов, по-видимому, приобретались через работорговцев. На это указывают их прозвища в форме этника. Например, в одной из вьенских надписей алюмин называется Грэк (там же, XII, 1962). Воспитанные в доме господина, алюмины пользовались последним по своему усмотрению, предоставляя иногда им определенную свободу действий. В двух надписях из Арелаты алюмины упоминаются как арелатинские перевозчики (там же, 729, 733). Посвящения алюминам встречаются у вольки-арекомики (там же, XII, 5882), близ St.-Pierre-de-L' Etrier. в Нарбоне (там же, XII, 4573) и других гордах Нарбонской Галлии (там же, XII, 5751, 5764).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ CIL, XII, XIII; ILTG; ИЛН в ВДИ, 1955, № 2—1956, № 4.

² C. Jullian. Histoire de la Gaule, t. IV. P., 1914, p. 371; P. Duval. La vie quotidienne en Gaule pendant la paix romaine (I—III siècles après J. C.). Librairie Hachette, 1952, p. 31.

³ A. Holder. Alt-celtischer Sprachschatz, I—III. Austria, 1961—1962, hic, t. I, S. 1313; t. II, S. 625, 1063; t. I, S. 2011, 1140, 285, 1309.

⁴ Н. Н. Белова. Городской строй в римской Галлии в первые два века н. э. — АДСВ, вып. 1, 1960, стр. 35—38.

⁵ Ее же. Рабы ремесленных и непроизводственных профессий в римской Галлии I—III вв. (преимущественно по эпиграфическим данным). — АДСВ, вып. 8, 1972.

⁶ Там же.

⁷ М. Rostowtzev. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. Leipzig, 1929—1930, S. 181. О селах позднерепубликанского типа в римской Галлии см.: Ogam, t. XVI, 1964, 4—6, p. 407—417.

⁸ Parvan. Die Nationalität der Kaufleute im römischen Kaiserreich. Breslau, 1909, S. 24, 117, 118.

⁹ Значение прозвища, или cognomen, для определения этнического происхождения рабов и отпущенников является, правда, вопросом весьма спорным. См., например: Т. Frank. Race mixture in the roman Empire. — American History Review, t. XXI, 1915—1916, p. 689—708; H. Thylander. Etude sur l'épigraphie latine. Lund, 1952; I. Kajanto. The significance of non-latin cognomina. — Latomus, t. XXVII, 1968, p. 517—534.

¹⁰ Например, прозвища Graecus (CIL, XII, 1962, 3323, 3686), Corinthus (там же, XII, 3066, 5019). Обращает на себя внимание также обилие греческих когномина. Даже если учесть, что носителями последних были часто рабы негреческого происхождения (см.: Mary L. Cordon. The Nationality of Slaves under the Early Roman Empire. — Journal of Roman Studies, t. XIV, 1924, p. 93—111), то в данном случае остается все же несомненным, что какая-то их часть являлась греками.

¹¹ CIL, XII, 2180, 5038, 5170: Asia; XII, 2027, 4827, 4970, 5252: Antiochus, Antiochus; XII, 5015, 5137: Seleucus; XII, 4337: nationis Nicomidii; XII, 5830: Ponticus.

¹² Там же, XII, 3329: Alexandrinus; XII, 4000: Isias.

¹³ Там же, XII, 3667; XIII, 1874. См. также: А. Фол. Трудовая деятельность фракийцев в западных провинциях Римской империи (I—III вв.). — В сб.: Античное общество. М., 1967, стр. 74—81.

¹⁴ CIL, XII, 4161: Italia; XII, 4957: Lucia Lepida; ILTG. n. 240: Silena Latina; ILTG, n. 14: Navigius-signum — итальянского происхождения.

¹⁵ CIL, XII, 3324: Arabus.

¹⁶ К сожалению, судить о войне как средстве пополнения рабского контингента в римской Галлии наши источники не позволяют.

¹⁷ С. Jullian. Histoire de la Gaule, v. 2 ed., s. a., p. 334.

¹⁸ Заключение о том, что под вернами следует понимать не рабов, а малолетних детей свободных родителей и что только в надписях императорских рабов и отпущенников верны — это действительно выросшие в доме рабы (см.: Е. М. Штаерман и М. К. Трофимова. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971, стр. 17—18), эпиграфическими данными для Галлии не подтверждается: обозначение «верна» распространялось не только на детей, но и на взрослых (см. текст ниже), а надпись CIL, 568 отличает детей господина от его верн.

¹⁹ E. Espérandieu. Recueil général des bas-reliefs de la Gaule romaine, t. V. P., 1913, p. 4221.